

Есть ли жизнь на Марсе?

Что стоит за интересом Гончарова к астрономии?

Многие представители русской литературы и культуры по-своему реагировали на бурное развитие науки и техники в XIX веке: заметно менялось их мировоззрение, а порою и религиозные убеждения. Но, пожалуй, лишь два русских писателя глубоко и серьезно поставили вопрос о роли науки для современного человечества в своих произведениях: И.А. Гончаров и А.И. Герцен.

Гончаров постоянно отстаивал интересы науки, считая ее чрезвычайно важным фактором развития европейски зрелого и свободного русского общества. В частности, в предисловии к роману «Обрыв» он писал: «Нельзя жертвовать серьезными практическими науками малодушным опасениям незначительной части вреда, которая может произойти от свободы и широты ученой деятельности. Пусть между молодыми учеными нашлись бы такие, которых изучение естественных или точных наук привело бы к выводам крайнего материализма, отрицания и т.п. Убеждения их останутся их личным уделом, а учеными усилиями их обогатится наука» [Гончаров, 1952–1955, Т. 8, с. 156].

В XIX веке Россия, вслед за Европой, переживает увлечение астрономией. В 1860-е годы внимание общества привлекают публичные лекции профессоров-астрономов. В Московском университете такие лекции читал Ф.А. Бредихин (по теории кометных форм), в Петербурге – В.Я. Струве, в Харькове – профессор Т.Ф. Осиповский, в Казанском университете – Н.М. Лобачевский. В 1888 году возник Нижегородский кружок любителей астрономии, а уже в 1890 году – Русское астрономическое общество.

О популярности астрономии говорит тот факт, что ею интересовались даже священники. Художники, братья Васнецовы, выросли в семье священника; Аполлинарий был четвертым сыном Михаила Васильевича Васнецова, духовного лица, питавшего особую любовь к естественным

наукам и астрономии. «Ночью он обращал мое внимание на небо, и я с детства знал главные созвездия и звезды... Любовь к природе и воспитания во мне любовь к пейзажу, и этим я обязан отцу», — писал в автобиографии художник. Аполлинарий даже хотел связать свою жизнь с астрономией. Очень многие русские писатели, современники Гончарова, упоминают в своих произведениях астрономию, начиная с 1840-х годов. Здесь можно упомянуть Д.В. Григоровича («Скучные люди», 1845), Ф.М. Достоевского («Село Степанчиково и его обитатели», 1859; «Подросток», 1875), А.Н. Островского («Бешеные деньги», 1870; «Красавец мужчина», 1882). В «Дневнике провинциала в Петербурге» (1872) М.Е. Салтыков-Щедрин писал: «Мы не имеем права успокоиться до тех пор, пока у нас не будет своей арифметики, своей химии, своей астрономии...». В «Войне и мире» Л.Н. Толстой неоднократно проводит параллель между астрономией и историей и, в частности, пишет: «Людам, борющимся с возникавшею истиной физической философии, казалось, что, признай они эту истину, — разрушается вера в Бога, в сотворение тверди, в чудо Иисуса Навина. Защитникам законов Коперника и Ньютона, Вольтеру, например, казалось, что законы астрономии разрушают религию, и он, как орудие против религии, употреблял законы тяготения». Астрономию Л. Толстой упоминает и в романе «Анна Каренина» (1877).

В романе «Накануне» (1860) И.С. Тургенев так характеризует своего героя: «Фрондерство Николая Артемьевича состояло в том, что

он услышит, например, слово “нервы” и скажет: “А что такое нервы?” — или кто-нибудь упомянет при нем об успехах астрономии, а он скажет: “А вы верите в астрономию?”...». Н.С. Лесков в рассказе «Кадетский монастырь» (1880) пишет о своем персонаже: «Он был сердового возраста, небольшого роста, сухощав и брюнет, энергический, живой, с звучным голосом и весьма приятными манерами, любил цветы и занимался для удовольствия астрономией».

Но все это были лишь отдельные упоминания. Гончаров относился к астрономии более серьезно, и притом с самого детства. Особый интерес к астрономии прививал ему его крестный отец Н.Н. Трегубов, за что Гончаров всегда был ему благодарен.

«Особенно, — вспоминал романист, — ясны и неоцененны были для меня его беседы о математической и физической географии, астрономии, вообще космогонии, потом навигации. Он познакомил меня с картой звездного неба, наглядно объяснял движение планет, вращение земли, все то, что не умели или не хотели сделать мои школьные наставники» [Гончаров, 1952–1955, Т. 7, с. 238].

Впоследствии интерес к астрономии мог быть поддержан в Гончарове во время плавания на фрегате «Паллада» адмиралом Е.В. Путятиным, который смолodu увлекался астрономическими наблюдениями вместе с будущим декабристом Д. Завалишиным.

Гончаров внимательно следил за литературой по астрономии, о чем говорит состав его библиотеки. Хранящаяся на родине писателя, в

Ульяновском дворце книги, личная библиотека, уцелевшая лишь в незначительной своей части, содержит книги достаточно крупных европейских ученых и популяризаторов науки XIX века, среди которых были и астрономы. Так, на книжных полках романиста стояла книга французского физика и астронома, директора Парижской обсерватории, сотрудничавшего с А. Гумбольдтом, Ф. Араго «Гром и молния» [Араго]. Читал он и книги английского физика Д. Тиндаля [Тиндаль], французского химика, автора работ по истории науки, РЛ. Фигье [Figuier]. Гончаров, конечно, был знаком с важной в контексте его размышлений книгой американского ученого Д. Дрейпера «Конфликт науки и религии» [Dreyer], которая была в его библиотеке. Возможно, читал он и его книгу «История умственного развития Европы» («History of the intellectual development of Europe», 1862, рус. пер. 1866 г.), которая пользовалась популярностью в России в середине 1860-х годов. Дрейпер был приверженцем эволюционных идей Ч. Дарвина и Г. Спенсера. Особенный интерес писатель проявлял к книгам французского астронома К. Фламариона, посвященные научной проблематике, но в то же время написанные в романтически мечтательном духе [Flammarion, 1869; Flammarion, 1872; Flammarion, 1873].

Интересно, что в библиотеке Гончарова были не только научно-популярные, но и собственно научные книги по астрономии, в частности, работа итальянского астронома Секки Анджело (1818–1878) о поверхности Солнца [Secchi]. Авторы описания библиотеки Гончарова отмечают: «Присутствие книги Секки в библиотеке И. А. Гончарова несколько неожиданно: книгу Секки никак не назовешь популярной ни по языку, ни по содержанию. Видимо, любознательность и интерес Гончарова к последним достижениям в астрономии побороли боязнь “строгих научных форм”» [Описание, с. 117].

Во «Фрегате “Паллада”» Гончаров пишет, что кодекс дружбы «устарел гораздо больше Птолемеевой географии и астрономии или Аристотелевой риторики» [Гончаров, 1997–2014, Т. 2, с. 37]. Космическая тема звучит в романе «Обрыв». Райский говорит Марфиньке: «Ты знаешь, что прежде в центре мира полагали землю, и все обращалось вокруг нее, потом Галилей, Коперник – нашли, что все

обращается вокруг солнца, а теперь открыли, что и солнце обращается вокруг другого солнца. Проходили века – и явления физического мира поддавались всякой из этих теорий» [Гончаров, 1997–2014, Т. 7, с. 229].

Но еще более характерно тема космоса прозвучала в одном из последних произведений писателя «Май месяц в Петербурге» (1891): «Тот лет десять все составляет какой-то лексикон восточных языков, да кроме того занимается астрономией, перечел все авторитеты от Ньютона, Гершелей, до какого-нибудь Фламариона, и все хочет добиться, есть ли жители на Венере, Марсе и других планетах, какие они, что делают и прочее?» [Гончаров, 1952–1955, Т. 8, с. 426]. Одного из «астрономического семейства» Гершелей писатель уже упоминал во «Фрегате “Паллада”» [Гуськов]. Теперь же речь идет о семье астрономов Гершелей. Во-первых, это Уильям Гершель (1738–1822) – выдающийся английский астроном немецкого происхождения. Прославился открытием планеты Уран, а также двух её спутников – Титании и Оберона. Во-вторых, это его сестра Каролина Гершель (1750–1848), сделавшая заметные астрономические открытия. В-третьих, это Джон Гершель (1792–1871) – английский астроном и физик, сын Уильяма Гершеля.

Что касается вопросов о жизни на других планетах, то они появились у Гончарова, скорее всего, под влиянием К. Фламариона, который развивал идеи жизни на других планетах и издал целый ряд замечательных научно-популярных книг: «Множественность обитаемых миров», «Миры воображаемые и миры реальные» (1865), «Небесные чудеса» (1865), первый популярный учебник по астрономии, «История неба» (заманительная история астрономии,

1867). Была издана целая серия его научно-популярных лекций «Этюды по астрономии» (к 1880 году вышло девять томов). Фламарион много сил посвятил исследованию Марса и позже, уже после кончины Гончарова, написал книгу «Планета Марс и условия обитания на ней» (1909). Во времена Фламариона мысль о множественности миров, населенных разумными существами, расходилась все шире и высказывалась многими.

Очевидно, Гончаров склонялся к мнению, что мыслящие существа на других планетах могут быть и не похожи на людей, он задается в своей новелле вопросом: «какие они, что делают?»

Большинство ученых (в их числе знаменитый математик и астроном Гюйгенс), как известно, придерживались мысли о том, что эти существа должны быть похожими на людей. Немногие, в том числе и Фламарион, были иного мнения. Французский ученый писал: «Судить о всем беспредельном мироздании по одной только Земле – это все равно, что судить о ... “Божественной комедии” Данте по какой-нибудь группе одного из кругов “Ада”» [Цит. по: Стражева, с. 114].

Гончаров не случайно упоминает в «Мае месяце в Петербурге» имя Фламариона, поскольку тот не только интересовался наукой, но и разрабатывал ее философию, во многом сходную с гончаровской. Писатель мог бы обнаружить свои собственные мысли о религиозном кризисе человечества в трудах К. Фламариона. Характерно, что и Гончаров, и Фламарион выражают мысли о религиозном кризисе человечества почти одними и теми же словами.

Вопрос о том, что жизнь возможна не только на Земле, должен был, в числе других подобных, породить кризис религиозного сознания.

Уголок историко-мемориальной экспозиции Центра-музея И.А. Гончарова

Однако ученые, не потерявшие веры, искали такой ответ на этот вопрос, который не разрушал бы традиционного религиозного мышления, а примирял его с наукой, о чем много думал и сам автор «Обрыва».

В предисловии к роману он писал:

«Уяснение религии, даже самое отрицание ее началось вместе с религией и идет параллельно. Только пылкой юности позволительно мечтать, что эти два параллельные потока уже сошлись у ней под ногами. В спорах об этом выясняются истины, выигрывает наука, мысли, философия, а религия не теряет своей власти над большинством. Источник знания неистощим: какие успехи ни приобретай человечество на этом пути, впереди все будет бездна неведения – все людям будет оставаться искать, открывать и познавать... Мыслители говорят, что ни заповеди, ни евангелие ничего нового не сказали и не говорят, тогда как наука прибавляет ежечасно новые истины. Но в нравственном развитии дело состоит не в открытии нового, а в приближении каждого человека и всего человечества к тому идеалу совершенства, которого требует евангелие, а это едва ли не труднее достижения знания. Если путь последнего неистощим и бесконечен, то и высота человеческого совершенства по евангелию так же недостижима, хотя и не невозможна! Следовательно – и тот и другой пути параллельны и бесконечны! И то и другое одинаково трудно одолимы» [Гончаров, 1952–1955, Т. 8, с. 156–157].

Во введении к книге «Многочисленность обитаемых миров» (1862) Фламарион, как и Гончаров, размышлял о современном кризисе, причем в стилистике «Необыкновенной истории» и гончаровских писем: «Если мы внимательно взглянем на духовную жизнь современного человечества, то мы увидим, что человек утратил свою прежнюю веру, а с ней и безмятежный душевный покой, которым он когда-то наслаждался; что мы живем среди борьбы противоречивых мыслей и что обеспокоенное человечество ищет философию, которая создала бы прочную религиозную основу для развития и осуществления его надежд... человек, обессиленный сомнениями, теряет сознание и падает в объятия скептицизма. Завершено дело разрушения!.. Прошлое умерло; новая философия еще не родилась, она еще скрывается

Уголок историко-мемориальной экспозиции Центра-музея И.А. Гончарова

в хаосе творчества. Дух современного человечества живет в противоречии с самим собой, он распадается сам в себе. Природоведение, этот могучий властелин нашего времени, руководящий прогрессом, никогда еще не был так чужд всякой философии, как именно теперь. Во главе естественных наук стоят люди, которые совершенно произвольно отрицают бытие Божие...» [Фламарион, с. 3–4].

Автор «Обрыва» был в курсе развития современной науки и потому, что ему приходилось следить всем этим и по своим служебным обязанностям цензора. При этом его интересовали не только отдельные открытия, но прежде всего философия современной науки и ее влияние на традиционные институты общества: религию, нравственность и пр. Несомненно, признавая научный и технический прогресс как положительное явление, романист прекрасно понимал относительность могущества науки, вовсе не отменяющей религиозных ценностей, хотя и воздействующей в этом плане на незрелые умы.

Принципиально вопрос о соотносительности современной науки и религиозного сознания был решен Гончаровым еще до написания «Обыкновенной истории». С тех пор его воззрения принципиально не менялись. В 1881 году выходит уже упомянутая книга В. Соловьева «Чтения о Богочеловечестве», в которой Гончаров нашел сходные для себя мысли, чем и было вызвано его письмо к философу. В своей книге В. Соловьев подчеркивал, что центральный момент современной духовной жизни – это «стремление организовать человечество вне безусловной религиозной сферы». Автор «Чтений о Богочеловечестве» отмечал, что «этим стремлением характеризуется вся современная цивилизация» [Соловьев, с. 3]. Логика книги подсказывала, что

укрепить в обществе расшатанные основы традиционного религиозного мышления уже невозможно, если действовать лишь методом огульного и прямолинейного отрицания успехов естественных наук и позитивизма. «Чтения о Богочеловечестве» были попыткой синтезировать религию и научный эмпиризм, причем именно религия выступала в этом синтезе на первый план [Лосев, с. 186].

Гончаров, как и Соловьев, считает, что религия и наука не находятся в состоянии непримиримой вражды: «Вера – не смущается никакими “не знаю” – и добывает себе в безбрежном океане все, что ей нужно. У ней есть одно единственное и всесильное для верующего орудие – чувство. У разума (человеческого) ничего нет, кроме первых, необходимых для домашнего, земного обихода, знаний, т.е. азбуки всеведения. В перспективе, весьма туманной, неверной и далекой – у дерзких пионеров науки есть надежда дойти когда-нибудь до тайн мироздания надежным путем науки. Настоящая (т.е. современная. – В.М.) наука мерцает таким слабым светом, что пока дает только понятие о глубине бездны неведения. Она, как аэростат, едва взлетает над земной поверхностью и в бессилии опускается назад» [Гончаров, 1994, с. 348].

Гончаров выработал свое отношение к науке уже в 1840-е годы, когда ему было чуть более тридцати лет. Тем самым он опередил многих своих современников в подходе к важнейшей для XIX века проблеме: как сохранить религиозно мыслящую личность в условиях, когда «чувства младенческой веры не воротишь взрослому обществу».

Владимир Мельник,
д.ф.н., профессор